

4. Петровский М.С. Книги нашего детства / Петровский М.С. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. – 424 с.
5. Поляков М.Я. Театр и его знаковая система / М.Я. Поляков // Теория театра. Академические тетради. Выпуск 7. – М.: Независимая академия эстетики и свободных искусств, 2001. – С.62-92.
6. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 2003. – 599 с.
7. Скуратівський В.Л. Екранні мистецтва у соціокультурних процесах ХХ століття. Ч.І. – К.: КМЦ “Поезія”, 1997. – 222 с.
8. Тишунина Н.В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе ХХІ века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия “Symposium”. Выпуск №12. – СПб.: , 2001. – С. 149 – 154.
9. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
10. Benjamin, Walter. The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction// Benjamin W. Illuminations. – N.Y.: Schocken, 1969. – P. 217 – 251.
11. Bentley, Eric. Realism and the Cinema / Bentley E. The Playwright as Thinker. N.Y.: Harcourt, 1946. – P.8 – 16.
12. Kaufmann, Stanley. Notes on Theater and Film // Theatre and Film. A Comparative Anthology / ed. by R.Knopf. – New Haven & London: Yale Univ. Press, 2005. – P.152 – 161.
13. Lindsey, Vachel. The Art of the Moving Picture (1915). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/13029/13029-h/13029-h.htm>
14. Mulvey, Laura. Visual Pleasure and Narrative Cinema // Screen. – 1975. – No 16. – P.6 – 18.
15. Nicoll, Allardyce. Film and Theatre. N.Y.: Thomas Y.Crowell, 1936. Rpr. N.Y.: Arno, 1972. – 255 p.
16. Panofsky, Erwin. Style and Medium in the Motion Picture // Film Theory and Criticism: Introductory Readings / Ed. by G.Mast & M.Cohen. – London: Oxford Univ. Press, 1974. – P.151-169.
17. Pavis, Patrice. Theater at the Crossroads of Culture./Transl. by L. Kruger. – London & New York: Routledge, 2001. – 212 p.
18. Schroeter, Jens. Discourses and Models of Intermediality // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. – 13.3 (2011). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.7771/1481-4374.1790>

19. Sontag, Susan. Film and Theater // Theatre and Film. A Comparative Anthology / ed. by R.Knopf. – New Haven & London: Yale Univ. Press, 2005. – P. 134–151.
20. Szondi, Peter. Theory of the Modern Drama / Ed. and transl. by M. Hayes. – Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1995. – 129 p.

МОТИВЫ РАЯ ЗЕМНОГО И НЕБЕСНОГО В ПОЭЗИИ ЖУКОВСКОГО

Александра ВОЛОШКО

Полтавский национальный педагогический университет имени
В.Г. Короленко

У статті аналізується місце та роль мотивів земного та небесного раю у формуванні системи релігійних поглядів та поетики В.А. Жуковського у ранні періоди його творчості. Виявлені їх зв'язки з іншими релігійними мотивами, темами, символами.

Ключові слова: *лірика, мотив, символ, художня і релігійна свідомість, поетика.*

В статье анализируется место и роль мотивов земного и небесного рая в формировании системы религиозных воззрений и поэтики В.А. Жуковского в ранние периоды его творчества. Выявлены их связи с другими религиозными мотивами, темами, символами.

Ключевые слова: *лирика, мотив, символ, художественное и религиозное сознание, поэтика.*

The article analyzes the role and place of the earthly and celestial paradise motives in the formation of religious beliefs and poetics V. Zhukovsky in the early periods of his work. Revealed their relationship with other religious motifs, themes and symbols.

Key words: *lyric, motive, symbol, artistic and religious consciousness, poetic.*

В последние десятилетия интерес к религиозному аспекту творчества В.А. Жуковского значительно вырос. Рассмотрению религиозно-философской системы взглядов поэта посвящены работы И.А. Айзиковой [1], Д.В. Долгушина [3], Ф.З. Кануновой [6], Р.Г. Эймонтовой [11], А.С. Янушкевича [12] и других исследователей, которые уделяли основное внимание анализу произведений, созданных в поздний период жизни и творчества В.А. Жуковского, (после 1840-х годов), когда его религиозность приобрела черты традиционного христианства, неотделимого для него от православия. Так, И.А. Айзикова [1],

Д.В. Долгушин [3], А.Е. Рылова [9], И.В. Самсонова, А.С. Серопян [10] и другие анализировали прозу писателя, его неоконченную поэму “Странствующий жид”, переводы библейских текстов, включая перевод Нового Завета. Не менее важным для формирования целостного представления о творчестве и религиозно-философских взглядах В.А. Жуковского является анализ религиозных тем и мотивов в лирике ранних периодов (1797–1825).

В книге Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой “Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е годы)” [7] проанализирована динамика изменений религиозного мировоззрения писателя, которая, по мнению исследователей, связана с духовной эволюцией поэта и морально-философскими поисками времени. Авторы монографии анализируют религиозные мотивы в поэзии В.А. Жуковского, однако вне поля их зрения оказались такие доминантные мотивы лирики поэта, как мотив рока (Промысла), христианского смирения, желанной встречи в ином мире, земного и небесного рая и другие.

Целью данной статьи является рассмотрение места и роли мотивов земного и небесного рая в формировании системы религиозных воззрений и поэтики В.А. Жуковского ранних периодов творчества, выявление их связи с другими религиозными мотивами и темами.

Религиозные представления В.А. Жуковского формировались с детских лет под влиянием семейного круга, в котором православию отводилась важная роль. Однако наиболее сильное воздействие на мировоззрение будущего поэта имели представления преподавателей Московского университетского благородного пансиона, где он учился в 1787–1800 годы. Просвещение, гуманизм, христианство – вот то, по мнению кураторов Московского университетского пансиона, что необходимо для создания на земле счастливого общества и достижения рая небесного.

Добродетель – одно из ключевых понятий в лирике В.А. Жуковского. В 1798 году поэт пишет две нравоучительные оды под названием “Добродетель”, в которых развивает масонские идеи кураторов Московского университетского пансиона, а именно – идеи нравственного самоусовершенствования, служения добру, всечеловеческого братства. В одной из них появляется мотив земного рая. Он связан с представлениями о Золотом веке, который воцаряется на земле с рождением Добродетели – “дщери Творца”:

*На землю дщерь Творца предстала,
Творений хор ей гимн воспел:
Пустыня светлым раем стала* [5, с. 27].

С появлением “дщери ада” – Злобы, наступает век Железный, который несёт с собою Раздор. Однако Добродетель не исчезает. Мудрые чтут её во все времена, что внушает автору надежду на возвращение рая на земле.

Подобные мотивы присутствуют в оде “Могущество, слава и благоденствие России” (1799). Здесь преображение вселенной в рай автор связывает с просвещением, воцарением мира и добродетелью правителя.

О подражательной природе ранних произведений В.А. Жуковского писал В.И. Резанов, который справедливо указывал, что “писательство Жуковского в пансионе зависело от внушавшихся ему школьных правил, теории, от влияния преподавателей, руководивших и направлявших опыты своих питомцев” [8, с. 175]. Позже поэт преодолевает влияние классицизма, характерное для его пансионской лирики. Но нравственные и религиозные ориентиры, заложенные в юношестве, остаются актуальными для него на протяжении всей жизни.

Например, оппозиция добродетели и злобы соседствует рядом с оппозицией земного рая и ада в “Послании к Плещееву” (1812):

*Прекрасен мир, но он прекрасен нами!
Лишь добрый в нём с открытыми очами,
А злобный сам очей себя лишил! <...>
Где друг людей находит жизнь и рай,
Там смерть и ад порочный обретает!* [4, с.180].

Добродетель и злоба приводят человека не только к земному раю или аду, но и к небесному. В переводе басни Лафонтена “Сон могольца” (1806) В.А. Жуковский указывает, за что после смерти оказался в раю визирь, а в аду – дервиш:

*Визирь в раю за то, что в области сует,
Средь пышного двора, любил уединенье.
Дервишу ж поделом; не будь он суесвят;
Не ползай перед тем, кто силен и богат* [4, с. 97].

Любовь к уединению – одна из добродетелей, которые, с точки зрения автора, не только ведут человека к раю небесному, но и делают жизнь на земле счастливой. Мотив уединения звучит в элегизированном переводе поэмы О. Голдсмита “Опустевшая деревня” (1805). В этом произведении В.А. Жуковский разрабатывает темы идиллии сельской жизни; разрушения и забвения родного края; странничества и духовного возвращения на родину. “Цветущим раем” представляется лирическому герою сельская жизнь, связанная с мирным трудом и единением с природой. Только возвращение к ним ведёт к счастью.

Философия уединения отражена в статьях В.А. Жуковского “Писатель в обществе”, “Письмо из уезда к издателю”, в его дневниках и письмах. Свообразным поэтическим выражением этой философии стала элегия “Уединение” (1813). По мнению А.С. Янушкевича, “сам характер текста, насыщенный необычным даже для Жуковского количеством слов-курсивов: “уединение”, “страх”, “молчание”, “мечтанье”, “скука”, “тишина”, “хариты”, “аониды”, “наука”, “труд”, “отдых” и т. д., позволяет говорить о стихотворении “Уединение” как о программном” [4, с. 620]. С первой строки поэт призывает “дружиться с Уединеньем”. Оно различно для светских людей и отшельников, которым представляется мрачным и пугающим, и для тех, кто не избегает общества, но и не ожидает счастья от людей. Для тех, кто “*вслед Промысла стремиться*”, заключает в сердце “*прямой источник благ*”, уединение желанно и прекрасно.

*Как райское виденье
Себя являет их
Очам Уединенья!* [4, с. 263].

Мотив уединения приобретает в элегии религиозный оттенок. Наслаждаться им способен только истинно добродетельный человек, который верит в Божий Промысел. В уединении он способен наслаждаться прошлым, настоящим и проникать в тайну ожидающего его неведомого будущего. Таким образом, любовь к “*райскому виденью*” (уединению) на земле позволяет человеку достичь рая небесного.

С мотивами земного и небесного рая связан мотив личной ответственности каждого за своё настоящее и будущее. Он появляется уже в первых произведениях поэта. В оде “Человек” (1801) В.А. Жуковский использует образы рая и ада, которые находятся в самом человеке. Автор обращается к собирательному образу Человека. Он призывает осознать, что виновником несчастий на земле является не Создатель, а люди. Путь к счастью лежит через познание себя и самоусовершенствование.

*Мужайся! – и попрёшь противников стою;
Твой рай и ад в тебе!... Брань, брань твоим страстям! –
Перед тобой отверст бессмертья вечный храм* [4, с. 50].

В молодые годы религиозные поиски В.А. Жуковского связаны с поисками идеала “милого вместе”, с желанием обрести рай на земле, связанный с дружеским, семейным кругом, любовью. Д.В. Долгушин считает, что на протяжении многих лет идеал земного рая, “милого вместе” отодвигал для Жуковского религию на второй план, служил для “освещения” этого идеала [3, с. 173]. В связи с этим в лирике поэта появляется образ

“*моего*” рая. Такой рай, цветущий в душе лирического героя, описан в “Стихах, сочинённых в день моего рождения” (1803). Это произведение во многом автобиографично. Лирический герой не боится будущего, предназначенного судьбой:

*Пусть будет то, что должно быть!
Судьба ужасна лишь злодею,
Судьба меня не устроит* [4, с. 58].

Счастье на земле связано для него с дружеским кругом, уединением и творчеством. Он не боится даже смерти, поскольку верит во встречу с друзьями за пределами земной жизни:

*Когда ж придёт нам расставаться,
Не будем слёз мы проливать:
Недолго на земле скитаться;
Друзья! Увидимся опять* [4, с. 59].

В 1819 году В.А. Жуковский пишет стихотворение “Невыразимое”, которое стало манифестом русского романтизма. Э.М. Жиликова указывает, что “символично-метафорический строй стихотворения, музыкальная структура повествования в определении того, что невозможно выразить словами, поиск новых средств лирической образности – всё это определило поиски в области особого языка для выражения идей романтического универсализма” [5, с. 538]. В этом стихотворении В.А. Жуковский утверждает, что только молчание способно понятно выразить то, что волнует душу человека, внушает ему восторг, благоговение. Красоту природы можно описать словами, но невозможно передать чувства, вызванные созерцанием этой красоты, потому что они связаны с “*присутствием Создателя в созданье*” [5, с. 130]. Однако, опровергая собственное утверждение, в этом и в других произведениях поэт находит слова, образы, символы, передающие движения его души, указывающие на связь земных реалий с Божественным. К таким символам относятся оппозиция “*здесь*” и “*там*”, образ покрывала, завесы, отделяющей потусторонний мир от земного и многие другие.

Одним из таких образов-символов является “*райское видение*”. Вера в рай небесный подкрепляется тем, что есть явления, люди, в которых угадывается, видится этот рай и на земле. Таким видением представляются автору конкретные люди, высокие моральные качества которых восхищают окружающих. Это императрица Мария Фёдоровна (“Прощальная песнь, петая воспитанницами Общества благородных девиц, при выпуске 1824 года”), Н. М. Карамзин (“К Ив. Ив. Дмитриеву”). В стихотворении

“Монах” (1808) “райским видением”, “Ангелом Божьим” предстаёт перед отшельником призрак любимой. Характерный для творчества В.А. Жуковского мотив монашеской схимы, разрушающей запреты, связан в этом произведении с мотивом тоски о любимой.

“Райская” природа любви, дарующая на земле наслаждение, родственное небесному, или даже превышающее его, раскрыта во многих произведениях поэта: в переводе басни Лафонтена “Амина и Эндимион” (1806), “Плаче Людмилы” (1809), “К Нине” (1808), “К Филалету” (1809) и многих других. В “Амине и Эндимионе” лирический герой так описывает своё чувство:

... чувствуешь сию неведомую боль,
 Души восторг и упоенье,
 С которою ничто, ничто нейдёт в сравненье,
 Ни самый Божий рай... [4, с. 104].

Мучения любви он называет “раем души, пред коим трон вселенной теряет весь свой блеск” [4, с.104]. Очевидна гиперболизация этого высказывания, свойственная жанру басни. Но и в произведениях других жанров лирические герои описывают свою любовь не менее возвышенным слогом.

Божественная сущность любви раскрыта В.А. Жуковским в послании “К Нине” (1808). Поэт говорит о любви как о чувстве, которое человека “равняет богам на земле” [4, с. 130], является “в сем мире предчувствие неба” [4, с. 131]. Тема произведения – существование любви после смерти. Лирический герой задаёт вопрос “с чем же предстанем ко трону Любви?” [4, с. 131]. И в этом вопросе уже заложен ответ. Образ “трона Любви” связан с библейским “Бог есть любовь” (1 Иоан. 4:16). Таинственный голос приоткрывает лирическому герою завесу грядущего:

Нет смерти, вещает, для нежной любви;
 Возлюбленный образ, с душой неразлучный,
 И в вечность за нею из мира летит –
 Ей спутник до сладкой минуты свиданья [4, с. 132].

Смерть “теснейшим союзом сопрягает” [4, с. 132] души возлюбленных. Душа одного из них незримо присутствует на земле и поддерживает другого до последней минуты жизни.

В 1812 году В.А. Жуковский пишет романс “Пловец”, в котором образу бурного океана, “бездны в мраке” противопоставлен образ “райской обители”. Спаситель-Провиденье через беды и испытания приводит лирического героя к земному раю, где живут “три Ангела небес”,

прообразами которых послужили сводная сестра поэта Е.А. Протасова и две её дочери. На Марии, старшей из них, В.А. Жуковский мечтал жениться, но Е.А. Протасова отказала ему по религиозным убеждениям, запрещающим брак между близкими родственниками. Потеряв надежду на семейное счастье, поэт не перестаёт восхищаться Протасовыми. В стихотворении “Рай” (1813) автор, наперекор библейскому преданию, утверждает, что на земле существует Божий рай. Под “подобным небу краем” он подразумевает имение Протасовых – Муратово. Здесь снова появляется образ “трёх ангелов, данных миру Божеством” [4, с. 267].

В их приюте неизвестно –
 Что порок, что суета!
 Непорочностью небесной
 Их прекрасна красота! [4, с. 267].

Рядом с ними земной рай становится желаннее небесного:

Ах! Друзья, кто здесь их знает,
 Кто им жертвует душой,
 Тот отдать не пожелает
 За небесный рай – земной! [4, с. 267].

Есть, по мнению В.А. Жуковского, ещё одно явление, с помощью которого приоткрывается таинственный покров неизвестного, скрывающий неземное, святое, “небесный рай”. Это творчество, поэзия. Мотив неземной природы творчества – один из постоянных в поэзии В.А. Жуковского. В послании “К Батюшкову” (1812) поэт пересказывает легенду из стихотворения Ф. Шиллера “Раздел земли”. В ней говорится о том, как представители разных видов деятельности получали от Зевса свои уделы на земле. В это время поэт был “пленён небесным” и “земное позабыл” [4, с. 189] и потому не получил своей части. Бог предлагает поэту делиться с ним небесами, раем:

С тех пор – необожатель
 Подсолнечных сует –
 Стал верный обитатель
 Страны духов поэт,
 Страны неоткровенной:
 Туда непосвященной
 Толпе дороги нет [4, с. 189].

В следующей части послания автор развивает мысль о противопоставлении поэтического мира действительной жизни, а поэта, “жильца незнаемого мира” [4, с.191], остальным смертным.

Мотив божественной природы поэзии встречается в стихотворении “Явление поэзии в виде Лалла Рук” (1821).

*Сама гармония святая –
Её нам мнилось бытие,
И мнилось, душу разрешая,
Манила в рай она ее* [4, с. 225].

В одном из эстетических манифестов В.А. Жуковского ? стихотворении “Таинственный посетитель” (1824) ? поэзия названа святой. Она делает земное прекрасным, а неземное знакомым:

*... она из рая
Два покрова принесла:
Для небес лазурно-ясный,
Чистый, белый для земли:
С ней всё близкое прекрасно;
Всё знакомо, что вдали* [4, с. 240].

Кто является в стихотворении “таинственным посетителем”, “призраком”, пришедшем “в поднебесную с небес” [4, с. 239], не знает и сам поэт. Им может быть надежда, любовь, дума, поэзия, предчувствие. Каждый из таких “посетителей” приоткрывает тайны потустороннего, “подымает покрывало и в далёкое манит” [4, с. 240], тем самым принося на землю весть из небесного рая.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мотивы земного и небесного рая в ранние периоды творчества поэта обусловлены масонскими идеями нравственного самоусовершенствования, служения добру, всечеловеческого братства. Они связаны с мотивами Золотого века, добродетели, личной ответственности каждого за своё настоящее и будущее, с философией уединения. В последующие периоды религиозные представления Жуковского были неразрывно связаны с идеалом “милого вместе”, с представлением о “земном рае” в кругу близких людей. В лирике поэта появляется также образ “моего” рая, связанного с дружеским, семейным кругом, любовью, творчеством. Поиски новых возможностей поэтического языка, с помощью которого можно выразить “невыразимое”, приводят поэта к созданию системы образов-символов, связанных с исследуемым мотивом. Это символы “там”, “покрывало”, “райское видение” и другие. С их помощью В.А. Жуковский раскрывает небесную природу любви, творчества, поэзии, которые способны приоткрыть таинственную завесу над потусторонним, соединить земной рай с небесным.

В последние десятилетия жизни художественная и религиозно-философская система взглядов поэта меняется. Поиски веры приводят его к традиционному православию. Иное освещение находят исследуемые мотивы в позднем творчестве В.А. Жуковского. Они встречаются в стихотворениях “Пери” (1831), “Stabat Mater” (1838), “Молитвой нашей Бог смягчился” (1839) и других. Анализ мотивов земного и небесного рая в этих произведениях требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзикова И.А. Философско-исторические и религиозно-нравственные проблемы в прозе В. А. Жуковского / И.А. Айзикова // Вестник Томского государственного университета. – 2003. – № 1. – С. 9–14.
2. Веселовский А.Н. Поэзия чувства и “сердечного воображения” / А.Н. Веселовский. – С.-Петербург, 1904. – 548 с.
3. Долгушин Д.В., Жуковский В.А. и Киреевский И.В. : Из истории религиозных исканий русского романтизма. / Д.В. Долгушин. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 352 с.
4. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / В.А. Жуковский. – М. : Языки русской культуры. – Т. 1: Стихотворения 1797–1814 гг. – 1999. – 760 с.
5. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / В.А. Жуковский. – М. : Языки русской культуры. – Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. – 2000. – 840 с.
6. Канунова Ф.З. Соотношение художественного и религиозного сознания в эстетике В.А. Жуковского (1830-1840) / Ф.З. Канунова // Культура Отечества: Прошлое, настоящее, будущее. Выпуск четвёртый. – Томск. – 1995. – С. 105–108.
7. Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е гг.). / Ф.З. Канунова, И.А. Айзикова. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. – 304 с.
8. Резанов В.И. Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского / В.И. Резанов. – Спб., 1906. – 373 с.
9. Рылова А.Е. Теофония и теофания в структуре поэмы В.А. Жуковского “Странствующий жид” / А. Е. Рылова // Вестник ВГУ. Серия: Философия. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 99?102.
10. Самсонова И.В., Серопян А.С. Взаимосвязь картин русской жизни и богослужебных текстов: реминисценции в поэме В.А. Жуковского “Агасфер” [Электронный ресурс] / И.В. Самсонова, А.С. Серопян //

Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 10(18). – Режим доступа к статье : <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/10/seropyan.pdf>.

11. Эймонтова Р.Г. Из истории вектора русской мысли: Василий Андреевич Жуковский / Р.Г. Эймонтова // Отечественная история. – 2004. – № 3. – С. 140–148.

12. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского / А.С. Янушкевич. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1985. – 280 с.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ 1920-Х ГОДОВ ГЛАЗАМИ БЕРЛИНСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ("Московский дневник" Вальтера Бенямина и "Путешествие в Россию" Йозефа Рота)

Евгения ВОЛОЩУК

Институт літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України

У статті аналізуються різні інтерпретаційні моделі радянської дійсності та стратегії її рефлексування, представлені у "Московському щоденнику" В. Беняміна та циклі журналістських репортажів "Подорож до Росії" Й. Рота. Зіставлення цих текстів дозволяє виявити найзначніші риси історичного портрета радянської Росії періоду її переходу від післяреволюційного хаосу до тоталітарного "порядку".

Ключові слова: літературна мандрівка, дискурс, наративні стратегії, репортаж, щоденник.

В статье анализируются разные интерпретационные модели советской действительности и стратегии ее рефлексирования, представленные в "Московском дневнике" В. Бенямина и цикле журналистских репортажей "Путешествие в Россию" Й. Рота. Сопоставление этих текстов позволяет проявить наиболее значительные черты исторического портрета советской России периода ее перехода от послереволюционного хаоса к тоталитарному "порядку".

Ключевые слова: литературное путешествие, дискурс, нарративные стратегии, репортаж, дневник.

The paper analyzes various models of Soviet reality interpretation and the strategies of its reflexion represented in Walter Benjamin's *Moscow Diary* and Joseph Roth's series of travel reports *Journey to Russia*. The comparison between the texts allows to define the basic features of the historic portrait of Russia in its transition from the post-revolutionary chaos to the totalitarian "order".

Key words: *travelogue, discourse, narrative strategies, report, diary.*

Поздним вечером 16 декабря 1926 г. в одной из московских гостиниц произошла встреча двух весьма примечательных представителей культуры Веймарской республики – Вальтера Бенямина и Йозефа Рота. Оба прибыли в Россию, чтобы познакомиться с опытом построения нового государства и впоследствии изложить свои впечатления на страницах немецкой прессы. Несмотря на видимое совпадение целей, времени и места путешествий, их маршруты практически не пересекались. Упомянутая встреча, спонтанно договоренная по телефону, была случайной. Как оказалось, не только с формальной точки зрения: разговор, состоявшийся между Ротом и Бенямином в тот вечер, проявил, насколько они были далеки друг от друга в политических оценках советской России. Свидетельством тому – беглая запись в беняминовском дневнике: "В разговоре <...> я быстро заставил его [т.е. Рота – Е.В.] раскрыть карты, он приехал в Россию (почти) убежденным большевиком, а покидает ее роялистом. Как обычно, страна должна расплачиваться за смену политических взглядов тех, кто приезжает сюда в качестве политиков с красновато-розовым отливом (под знаком "левой оппозиции" и глупого оптимизма)" [1, с. 603]. К сказанному Бенямин добавил, что Рот в Москве имел вид человека, который все время "настороженно принимался" [1, с. 605].

Расхождения во взглядах обоих путешественников на советскую Россию во многом были обусловлены слишком разными обстоятельствами их путешествий.

Йозеф Рот отправился в Россию в качестве щедро оплачиваемого разъездного корреспондента солидной газеты "Frankfurter Zeitung" и провел там около полугода в люксус-условиях. Он мог позволить себе ездить по стране, останавливаться в уважаемых гостиницах, питаться в дорогих ресторанах, короче говоря, как угрюмо заметил тот же Бенямин, жить на широкую ногу. Поездку по России Рот предпринял, по утверждению комментаторов его творчества [2, с. 1025–1026] прежде всего, с прагматичной целью укрепить карьеру восходящей звезды немецкой журналистики. Поэтому он изначально занял позицию нейтрального, т.е. аполитичного наблюдателя. Показательно его заявление, сделанное накануне отъезда в СССР: "В России так много нового, что необязательно писать о коммунистическом терроре. Новизна жизни, растущей из разрушения, предоставляет много человеческого аполитичного материала" [2, с. 1026]. О коммунистическом терроре Рот в своих репортажах действительно не писал, но политические